

© 2024 г.

М.К. ГОРШКОВ, Р.Э. БАРАШ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН (история России XX века сквозь призму семейных историй)

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, доктор философских наук, директор Института (m_gorshkov@isras.ru); БАРАШ Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник (raisabarash@gmail.com). Оба – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. На основании дискурс-анализа СМИ и данных репрезентативных социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН 2020-х гг. автор изучает, как под влиянием дискурсивной политизации национального прошлого противоречиво развивается историческая память современного российского общества. Большинство (3/4) россиян активно интересуются отечественной историей, интерес с ней существенно коррелируется со знанием семейной истории, которую, впрочем, 4/5 россиян знают не дальше чем на два-три поколения. В исторической памяти россиян ключевое место занимает Великая Отечественная война. В то же время не менее половины россиян даже не знают, на какой стороне были их предки во время революций 1917 г. и Гражданской войны. В современном политическом контексте, когда трактовки истории становятся средствами геополитической конкуренции, подавляющее большинство россиян (почти 9/10) поддерживают необходимость активной защиты принятой в обществе интерпретации истории России, понимая под «исторической правдой» единообразную интерпретацию исторических событий. При этом россияне скорее выражают солидарность с жесткой позицией руководства страны и оборонительным внешнеполитическим дискурсом, чем демонстрируют реальную включенность в историческую тематику, собственный интерес к ней: в частности, лишь менее трети считают, что обычные граждане должны участвовать в защите «исторической правды».

Ключевые слова: история • историческая память • коллективная идентичность • войны памяти

DOI: 10.31857/S0132162524090119

Исторические образы лежат в основании национальной идентичности, консолидируют социум, придавая смысл, цель и значимость коллективному и персональному настоящему [Лоуэнталь, 2004: 115]. Прошлое отражается и в представлениях граждан о будущем страны, выступая фактором принятия политических решений, определяя перспективы страны.

Политический презентизм, когда сюжеты национальной истории становятся частью политической идеологии [Журилла, 2021: 109], оказывается приметой современного политического языка по всему миру. Память о переломных событиях истории, о выдающихся личностях (как героях, так и антигероях) играет «главную роль в конструировании коллективной идентичности» [Репина, 2021: 36]. Помимо событийной кристаллизации национальной истории с помощью национального календаря и пантеона национальных героев

[Нора, 1999: 17] политика памяти влияет и на актуальные установки граждан. Политическая повестка интерпретируется ее участниками через понятные гражданам символы и смыслы, формируя эмоциональное отношение к происходящему, но всегда оказываясь в той или иной степени идеологически ангажированной [Edelman, 1977: 33].

Из политической повестки прошлое неустранимо, оно присутствует в нем и скрыто, в символах государственного суверенитета, и явно, в политической риторике. Исторические нарративы резонируют с общественным мнением [Becker, 2018: 1], а апелляция к общественному консенсусу в отношении «исторических уроков» превращает «аргумент истории» в средство легитимации политических решений. Исторические аргументы многократно использовались в последние десятилетия для обоснования ирредентистских и сепаратистских притязаний, политических решений. Например, в 1999 г. министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер обосновывал необходимость участия вооруженных сил Германии в Косовском конфликте обязанностью Германии «предотвратить новый Освенцим и новый геноцид» [Becker, 2018: 12].

Российское политическое руководство в 2010–2020-х гг. тоже часто напоминало о необходимости выучить «уроки истории» и ориентироваться на «интересы, которые диктуются... историческим опытом»¹. Это отражается в массовых представлениях россиян о прошлом страны, когда национальная история оказывается фактором осмысления современной общественно-политической ситуации.

Цель статьи – выявление характеристик укоренившихся в массовом сознании россиян образов недавнего национального прошлого как базовых оснований коллективной идентичности, а также изменения отношения к ним под влиянием участвовавшего обращения к историческим сюжетам политических лидеров. Для этого на основании данных репрезентативных социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН 2020-х гг. и в контексте постоянного обращения к историческим сюжетам политического руководства страны будут изучены характеристики интереса россиян к прошлому страны, рассмотрены актуальные представления граждан об исторической правде, способах и субъектах ее защиты.

Российская политика памяти. В российской политической жизни история «работает» и как ресурс социальной консолидации, и как аргумент непрерывности истории страны. Уже в 2010-х гг. ссылки на историю России использовались как довод для внешнеполитических решений в отношении «исконно русских земель»². Исторический дискурс стал частью языка российской политики [Курилла, 2021]. Власть однозначно обозначила свою патерналистскую позицию [Кхараева, 2016] в отношении национального прошлого, отнеся законом против реабилитации нацизма³ историю Великой Отечественной войны к сфере национальной безопасности.

Оборонительно-мобилизационная трактовка российским руководством национального прошлого пришла в 2010-е гг. на смену активному сотрудничеству государства с гражданским обществом в мемориальных инициативах 1990-х гг. Тогда они были направлены на сохранение памяти, наоборот, о «неоднозначных» периодах российской истории и исторических персонажах (в частности, о жертвах политических репрессий, «белых» участниках Гражданской войны). Так, в 1996 г. День Октябрьской социалистической революции 7 ноября был переименован в День согласия и примирения, что стало предтечей полной отмены празднования 7 ноября, «замененного» установленным в 2005 г. Днем народного единства 4 ноября.

К середине 2010 г. мемориальные инициативы в России приобрели масштабный характер, особенно в Москве, где только за 2017 г. установили около 50 памятников⁴. Инициатором неко-

¹ Открытый урок «Помнить – значит знать» // Kremlin.ru. 2020. 1 сентября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/63983> (дата обращения: 28.06.2024).

² Обращение Президента Российской Федерации // Kremlin.ru. 2014. 18 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 28.06.2024).

³ Федеральный закон № 128-ФЗ от 5 мая 2014 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁴ Больше, чем памятник // Новая Газета. 2018. 29 января. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/01/29/75306-bolshe-chem-pamyatnik> (дата обращения: 28.06.2024).

торых из них стало Российское военно-историческое общество (РВИО), созданное для сотрудничества власти с гражданами в целях «пропаганды и распространения военно-исторических знаний», «популяризации исторического и культурного военно-исторического наследия России». Многие мемориальные объекты РВИО прямо символизировали непрерывность отечественной истории: например, часть фигур открытого в 2021 г. мемориального комплекса, посвященного Александру Невскому и его дружинникам, имела внешность псковских десантников, участвовавших в боевых действиях в Чечне. Другие мемориальные объекты напоминали, каким сложным было складывание российской государственности. Так, по инициативе РВИО в центре Москвы открыта «Аллея правителей России» различных эпох (более 40 бюстов – от Рюрика до Б.Н. Ельцина), установлены монументы историческим деятелям (например, М. Скобелеву, К. Рокоссовскому, М. Калашникову) и участникам драматичных событий российской истории (Ржевский мемориал Советскому солдату, Памятник Примирия в Гражданской войне в Севастополе и др.). Разнородность удостоенных памятования фигур – где монархи и царские генералы соседствуют с большевистскими лидерами, а в официальном политическом дискурсе память о революции 1917 г. как «попытке народа построить справедливое общество»⁵ сохраняется вместе с памятью о тех, кто противостоял новой власти, – лишь подчеркивает единство российской истории.

Президент РФ В.В. Путин неоднократно в последние годы говорил о важности каждого руководителя страны, среди которых были «порой противоречивые исторические личности», однако «все они... сделали Россию великой мировой державой, определили ее судьбу»⁶. Целостная российская история объединила, по его мнению, не только «созидавшего основы сильного, единого, централизованного государства» «собирателя и защитника русских земель» князя Владимира⁷, но и М.С. Горбачева, возглавившего страну «в период сложных, драматических изменений, масштабных внешнеполитических, экономических, общественных вызовов»⁸, и даже Б.Н. Ельцина, который «никогда не боялся брать на себя ответственность – и за то, что делал сам, и за судьбы страны»⁹. Идея исторической целостности единства России, которая «помнит и любит всех преданных ей сыновей и дочерей, с какой бы стороны баррикад они когда-то ни находились»¹⁰, в заявлениях российского руководства сочеталась с напоминанием о непрерывном противостоянии страны внешней угрозе – от Средневековья, когда Киевскую Русь «терзали» печенеги и половцы¹¹, до современного противостояния «коллективному Западу»¹².

Новый подход политического руководства к истории России нашел отражение и в новейшем «Едином учебнике истории» для 11-го класса. В нем часто упоминается

⁵ К 100-летию Великой российской революции: осмысление во имя консолидации // Министерство культуры Российской Федерации. 2017. 6 октября. URL: <https://culture.gov.ru/press/news/k-100-letiyu-velikoy-rossiyskoy-revolutsii-osmyslenie-vo-imya-konsolidatsii20171006171334/> (дата обращения: 28.06.2024).

⁶ Торжественный концерт, посвященный 1160-летию зарождения российской государственности // Kremlin.ru. 2022. 21 сентября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69397> (дата обращения: 28.06.2024).

⁷ В День народного единства в Москве открыт памятник князю Владимиру // Kremlin.ru. 2016. 4 ноября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53211> (дата обращения: 28.06.2024).

⁸ Соболезнования в связи с кончиной Михаила Горбачева // Kremlin.ru. 2022. 31 августа. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69234> (дата обращения: 28.06.2024).

⁹ Владимир Путин возложил цветы к могиле первого Президента России Бориса Ельцина // Kremlin.ru. 2021. 1 февраля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64958> (дата обращения: 28.06.2024).

¹⁰ Поздравление с Днем народного единства // Kremlin.ru. 2021. 4 ноября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/67065> (дата обращения: 28.06.2024).

¹¹ Совещание с главами регионов по борьбе с распространением коронавируса в России // Kremlin.ru. 2020. 8 апреля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63176> (дата обращения: 28.06.2024).

¹² Встреча с руководством Госдумы и главами фракций // Kremlin.ru. 2022. 07 июля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68836> (дата обращения: 28.06.2024).

об историческом противостоянии СССР/России странам Запада и резюмируется, что современный «брошенный Западом вызов делает нашу страну крепче, а многонациональный российский народ – еще более сплоченным»¹³.

Отношение россиян к национальной и семейной истории. Характерное для политического презентизма выстраивание политической повестки через обращение к сюжетам национальной истории, апелляция к образам прошлого для объяснения общественных проблем и задач формируют «историзированный» язык повседневности. В нем исторические реминисценции и метафоры занимают место не только базовых ценностных ориентиров, но и символов современной российской государственности.

«Историзированный» язык повседневности поддерживает интерес к прошлому и опирается на него. Согласно опросу Института социологии ФНИСЦ РАН, в 2023 г. подавляющее большинство россиян (75%) интересовались отечественной историей, в том числе 26% – постоянно, 49% – время от времени. За 2020–2023 гг. доля интересующихся отечественной историей граждан выросла на 4 п.п., а тех, кто историей страны не интересуется, сократилась на 6 п.п. (с 24 до 19%). Поскольку еще 6% затруднились с ответом, то совокупную долю не интересующихся историей можно по состоянию на 2023 г. оценить максимум в 25%¹⁴. С 2020 г. интерес к отечественной истории рос среди россиян всех возрастов, но особенно – среди самых молодых и наиболее пожилых: на 7 п.п. (с 67 до 75%) среди молодежи до 30 лет, на 5 п.п. (с 76 до 81%) среди россиян старше 66 лет.

Обращенная к национальному прошлому медиаповестка поддерживает внимательное отношению не только к истории страны, но и к семейной истории, превращая ее в один из важных источников реконструкции прошлого. В 2020 г. семейная память, рассказы родных и о родных были третьим по популярности (32%) ресурсом сведений об истории России после исторического художественного (45%) и документального (40%) кино [Историческое сознание россиян..., 2022: 18].

К истории собственной семьи россияне относятся с большим интересом: в 2023 г. только 19% не знали о прошлом семьи, потому что в их семьях не принято вспоминать прошлое (11%) или затрудняясь оценить уровень своих познаний (8%). Большинство же (81%) считали, что хорошо знали фамильную историю: 60% имели представления о жизни двух поколений (своих родителей, бабушек и дедушек), еще 21% знакомы с историей не менее четырех поколений родственников. Лучше других историю своей семьи знают самые пожилые респонденты старше 60 лет (88%), хуже – молодежь до 30 лет, четверть представителей которой (27%) не знали истории своей семьи.

Интерес к истории своей страны и интерес к истории собственной семьи прямо связаны. Среди россиян, хорошо, как им кажется, знающих историю России, каждый четвертый (39%) имеет представление о жизни поколений предков старше бабушек и дедушек, среди них почти нет выходцев из семей, где не принято вспоминать прошлое (2%). А вот среди россиян, не высоко оценивающих собственные познания в российской истории, уже почти каждый пятый (19%) признавался, что в их семье не принято вспоминать прошлое.

Исследователи отмечают, что хорошее знание отечественной истории чаще свойственно людям, активнее интересующимся историей собственной семьи [Алексеев, 2008: 49–50; Юдин и др., 2017: 53]. Это подтверждают социологические данные ФНИСЦ РАН: в 2020 г. среди россиян, оценивших свои знания об истории России как хорошие (таких

¹³ См.: *Мединский В.П., Торкунов А.В. История России. 1945 год – начало XXI века. 11 класс. М.: Просвещение, 2023. С. 4.*

¹⁴ Здесь и далее для 2023 г. приводятся социологические данные проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» (проект РНФ № 20-18-00505). Социологическое исследование проведено в апреле – мае 2023 г. по общероссийской выборке (N = 2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

было 11%), более чем каждый третий (39%) был знаком с обстоятельствами жизни более трех ближайших поколений своей семьи [Историческое сознание россиян..., 2022: 98]¹⁵.

Участие семейной памяти в создании образов прошлого – примета современной «эпохи постпамяти», когда «авторами» исторической реконструкции выступают не только очевидцы событий, но и их потомки [Ассман, 2004: 241]. Российская политика памяти поддерживает идею коллективного межпоколенного наследования прошлого, чтобы «все граждане гордились тем, что они наследники, внуки, правнуки победителей»¹⁶. Участие в постпамятной коммеморации принимают и представители гражданского общества, и государственные чиновники [Бараш, 2017]. В официальном историческом нарративе сюжеты государственной истории и семейной памяти тесно переплетаются, при этом семейная память и «официальная» история как источники понимания прошлого теряют контекст оппозиционности (когда «история убивает память, а память убивает историю» [Nora, 1984]). Поэтому такой искренний отклик у россиян вызывают государственные инициативы, направленные на поддержание семейной памяти о Великой Отечественной войне.

Отношение россиян к Великой Отечественной войне. В российском обществе память о родных, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., поистине всеобъемлюща: в 2023 г. об участии членов своей семьи в военных действиях знали 85% респондентов, еще 8% были информированы, что их родственников война не коснулась. Лишь 7% опрошенных ничего не известно о судьбах родных в военное время.

Информированность россиян об истории их семей в военное время поддерживают государственные проекты, в которых сочетаются инициативы просвещения и эмоционального вовлечения в историю жизни родных. Можно вспомнить, например, 60-летие окончания войны, когда в информационном пространстве память о Победе 1945 года начала упоминаться как ключевой элемент коллективной идентификации [Гудков, 2005]. Уже тогда многие граждане искренне участвовали в эмоциональных «проектах памяти» («Георгиевская ленточка» и «Победители»), вовлекаясь в историю семьи. К 70-й годовщине Победы важную роль в сохранении национального наследия о великой Победе стали играть виртуальные мемориальные ресурсы «Подвиг народа» и «Память народа», онлайн-платформы с миллионами цифровых документов о героях фронта, связывающих семейную и государственную историю. Каждый мог обратиться к электронным архивам, уточнить судьбу своих родных, участвовавших в боевых действиях. Участие в шестивой «Бессмертный полк» миллионов россиян для многих было способом поддержания тесной связи семейной памятью с национальной историей. По данным ФНИСЦ РАН, в 2020 г. почти каждый третий россиянин (30%) принял участие в этой акции и еще 67% знали о ней, хотя лично не участвовали [Историческое сознание россиян..., 2022: 105].

Семейные воспоминания о Великой Отечественной войне стали основанием национального исторического нарратива: история приобрела черты коллективной памяти, а память в публичном дискурсе отождествлялась с историей [Касьянов, 2019: 7]. В последние годы в дискурсе власти военная история страны стала неотделима от семейной памяти: любые мемориальные мероприятия сопровождаются апелляцией к фамильным традициям, когда «в каждой нашей семье чествуют участников Великой Отечественной войны, вспоминают своих родных, своих героев, возлагают цветы к воинским мемориалам»¹⁷.

¹⁵ Здесь и далее для 2020 г. приводятся данные проекта «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности», проведенного ФНИСЦ РАН в сентябре 2020 г. по репрезентативной общероссийской выборке ($N = 2000$ в 22 субъектах РФ). Сбор первичной информации осуществлялся методом персональных очных интервью с соблюдением санитарно-эпидемиологических требований.

¹⁶ Открытие всероссийской акции «Вахта памяти – 2019» // Kremlin.ru. 2019. 4 апреля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60222> (дата обращения: 28.06.2024).

¹⁷ Парад Победы на Красной площади // Kremlin.ru. 2023. 9 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71104> (дата обращения: 28.06.2024).

Таблица

**Интерес к отечественной истории среди россиян с различной информированностью
о семейном прошлом, %**

Варианты ответов	Да, такие родственники были	Нет, таких родствен- ников не было	Не знают ничего об участии родственников в этом событии
<i>Предки во время революции и Гражданской войны выступали на стороне «красных»</i>			
Респонденты, которые интересуются историей России постоянно	40	25	21
Респонденты, которые интересуются историей России время от времени	48	49	51
Не интересуются отечественной историей	8	23	21
Затруднились с ответом	4	4	7
<i>Предки во время революции и Гражданской войны выступали на стороне «белых» или других противников большевиков</i>			
Респонденты, которые интересуются историей России постоянно	47	28	22
Респонденты, которые интересуются историей России время от времени	34	50	51
Не интересуются отечественной историей	16	19	20
Затруднились с ответом	3	3	7
<i>Предки пострадали от сталинских репрессий</i>			
Респонденты, которые интересуются историей России постоянно	32	28	20
Респонденты, которые интересуются историей России время от времени	51	50	49
Не интересуются отечественной историей	14	19	21
Затруднились с ответом	4	4	10
<i>Предки воевали на фронтах Великой Отечественной войны</i>			
Респонденты, которые интересуются историей России постоянно	27	21	14
Респонденты, которые интересуются историей России время от времени	51	47	40
Не интересуются отечественной историей	17	27	29
Затруднились с ответом	5	4	17

В отличие от обширной семейной памяти о военном времени многие россияне гораздо хуже осведомлены об обстоятельствах жизни своих предков в другие исторические периоды: «рожденные в года глухие» не оставили потомкам воспоминаний. В 2023 г. не менее чем половина опрошенных россиян (50–55%) даже не знали, какую из противоборствовавших сторон в период революций 1917 года и Гражданской войны поддержали их предки. Туманной является и семейная память россиян о 1930-х гг.: в 2023 г. большинство опрошенных (45%) говорили, что сталинские репрессии обошли стороной их семьи, но около трети (35%) ничего не знали о судьбах родных, а о том, что семья пострадала от репрессий, точно знали 20%.

Среди респондентов, лучше осведомленных об участии своих родных (предков) в значимых событиях национального прошлого, интерес к истории России заметно выше. Подавляющее большинство информированных выходцев из семей потомков активных участников революции и Гражданской войны в той или иной степени интересуются

историей России: это справедливо для потомков как сторонников большевиков (88%), так и их противников (81%), и лишь 8% и 16% из них соответственно равнодушны к ней. В то же время среди тех, кому ничего не известно о судьбе родственников в революционный период, не интересуется отечественной историей уже каждый пятый (20–21%). Аналогичная закономерность есть и по критерию наличия/отсутствия знаний о сталинских репрессиях. Респонденты, которые знают, что их родные воевали в Великую Отечественную, тоже чаще тех, кому ничего не известно об участии родственников в военных действиях, интересуются отечественной историей (78 против 54%) (табл.).

Приведенные корреляции подтверждают общую тесную связь исторической компетентности и погруженности респондентов в историю собственной семьи: чем отдаленнее горизонт осведомленности о судьбе родных, тем интенсивнее погруженность в национальную историю. Возможно, впрочем, что, наоборот, общая историческая компетентность является причиной, а внимание к фамильному прошлому – следствием. В любом случае, лишь немногие современники имеют актуальные постпамятные представления о национальной истории на основании семейного прошлого, исключение – семейная память о Великой Отечественной.

Дискурсы противостояния в «войне памяти». Победа в Великой Отечественной войне (70%) и послевоенное восстановление страны (56%) находятся в авангарде тех событий российской истории, которыми гордятся россияне. А вот событиями времени потепления отношений с Западом – гласностью и перестройкой периода М.С. Горбачева (3%), переходом к рыночной экономике при Б.Е. Ельцине (4%), ликвидацией «железного занавеса» (7%) – гордятся единицы. Это связано, видимо, с тем, что еще в 2010-х гг. перспектива евроинтеграции России стала ощущаться как нереалистичная, так что утвердилась идея, что Россия не является в полной мере европейской страной: и в 2011 г. (64%), и в 2023 г. (66%) так считали большинство россиян.

Скепсису россиян в отношении прозападного вектора развития страны способствовала и нараставшая напряженность в трактовке советского прошлого. Это связано с плюрализацией в конце XX в. европейской исторической памяти [Летняков, 2023], с включением в исторические дискуссии ранее «молчавших» групп и недосказанных сюжетов. В ряде восточноевропейских государств утвердилась модель памяти, сфокусированной на сопротивлении экзистенциальной угрозе [Миллер, 2016: 117], в том числе угрозе геополитической. Это нашло свое воплощение и в политических заявлениях – например, в подписанной европейскими политиками Пражской декларации 2008 г., призывавшей к общеевропейскому осуждению преступлений коммунизма, в декларации Европарламента 2008 г., устанавливающей день памяти жертв сталинизма и нацизма, а также в антикоммунистической музейной коммеморации (музеях оккупации в Риге и Таллине, доме террора в Будапеште). Отсюда – утверждение в некоторых постсоветских республиках этнонационального и даже постколониального дискурса, где Россия играет роль конституирующего «Другого» [Касьянов, 2019: 59]. Так, в 2006 г. Верховная Рада Украины признала Голодомор 1930-х гг. актом геноцида украинского народа, а в Грузии в 2010 г. был установлен День советской оккупации и советский период истории стал интерпретироваться как насильственный. Дискурс экзистенциального исторического противостояния в контексте дефицита крупных политических идеологов стал предпосылкой активного использования многими центрально- и восточноевропейскими политиками риторики противостояния времен «холодной войны» (прежде всего, утверждений о схожести для их стран последствий нацистского и коммунистического режимов [Racinkas, 2008: 13]).

Однако в представлениях россиян негативная трактовка советского прошлого дезавуировала не только участие России в антигитлеровской коалиции, но и базовые основания коллективной идентичности, ключевым среди которых является память о Победе [Малинова, 2011: 114]. Поэтому принятие Европейским парламентом в 2019 г. резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», осуждавшей Пакт Молотова – Риббентропа и германо-советский договор о дружбе 1939 г., символизировало

институционализацию конфликта исторических нарративов Западной Европы и России [Историческая память..., 2020]. Этот европейский тренд резко противоречил непримиримой позиции российского руководства на противостояние пересмотру советской истории. В 2023 г. в обновленной Концепции внешней политики РФ появился пункт, что национальными интересами страны во внешнеполитической сфере является в том числе и содействие сохранению за рубежом исторической правды и памяти о роли России в мировой истории¹⁸. А предложение противодействовать фальсификации истории геноцида советского народа¹⁹ символизировало готовность и российской стороны к эскалации конфликта трактовки прошлого.

Резонансность и провокационность темы национального прошлого связана с его консолидирующей ролью «исторического ядра»²⁰, так что манипуляции с коммеморацией выглядят попыткой делегитимировать государство [Ефременко, 2022], опровергнув базовый «миф его основания» [Mälksoo, 2015] посредством апелляции к фактам «неудобного прошлого» или к опыту предков [Малинова, 2014: 225]. Людьми, чья национальная традиция «пересматривается», а разделяемые поколениями оценки прошлого оспариваются, порою даже предаются откровенной диффамации, такие инициативы воспринимаются не просто как компрометирующие достижения прошлых поколений, но и как угрожающие семейной памяти.

Участие семейной памяти в картине национального прошлого делает россиян чувствительными к трактовкам истории. В 2020 г. среди опрошенных о том, «Как следует реагировать России на ложную интерпретацию некоторых исторических событий в ряде западных странах?», самая большая группа (37%) полагала необходимым «жестко противодействовать попыткам интерпретировать историю». Еще 34% выбирали популяризацию нашего понимания истории в фильмах, литературных произведениях и СМИ. Только 8% полагали возможным выйти из исторических конфликтов с оппонентами через сближение позиций в ходе научных дискуссий, столько же (8%) считали, что споры о прошлом не нужны, поскольку у каждой страны может быть своя версия истории. Лишь 4% полагали, что россияне должны «согласиться со справедливыми обвинениями в адрес нашей страны и попытаться самим переосмыслить» историю своей страны.

Представления россиян о защитниках истории. Чувствительность россиян к историческим сюжетам понятна, ведь образы прошлого играют в системы культурных ценностей россиян ключевую роль [Латов, 2018]. Поэтому концептуальный пересмотр национальной истории касается не только сюжетов прошлого, но всего комплекса современных общественных установок [Прошлое для настоящего, 2020: 5]. Особенно остро это переживается сегодня, когда историческая память объявлена компонентом традиционных ценностей, так что задачи противодействия попыткам фальсификации истории отнесены к государственным²¹. Помимо запретительных мер противодействия фальсификации истории, предполагающих административную (ст. 20.3 КоАП) и уголовную ответственность (354.1 УК РФ), утверждению трактовки национального прошлого служит разработка единой линейки школьных учебников («единого учебника истории»), где прошлое страны предстает частью семейного прошлого каждого гражданина [Ачкасов, 2018: 23].

Переплетение образов национальной и семейной истории, особенно в сюжетах о Великой Отечественной войне, ставшей «мифом происхождения» постсоветской России [Копосов, 2011: 163], помещает задачу защиты исторической памяти в поле ответственности

¹⁸ Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Kremlin.ru. 2023. 31 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811> (дата обращения: 28.06.2024).

¹⁹ «Войны памяти» вокруг истории геноцида советского народа // Российское агентство правовой и судебной информации. 2022. 11 февраля. URL: <https://rapsinews.ru/publications/20220211/307720376.html> (дата обращения: 28.06.2024).

²⁰ Шенк Ф.Б. Концепция "Lieux de Memoire" // Свободный университет, Берлин. URL: <http://www.hist.vsu.ru/cdh/Articles/02-11.htm> (дата обращения: 28.06.2024).

²¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 N809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

каждого гражданина. Представители российского руководства неоднократно подчеркивали, что «священный долг [каждого гражданина] – хранить историческую правду о подвиге поколения Победителей»²². В 2020-х гг. в заявлениях первых лиц страны зазвучала идея активной защиты прошлого: поскольку «дело чести государства, общества и, конечно же, историков – защищать и нашу подлинную историю, и наших героев»²³, то защита идентичности, народа и истории приравнивается к защите Родины²⁴.

Изменился и контекст заявлений политического руководства страны о Великой Отечественной войне. В рамках мероприятий в честь 55-й годовщины Победы В.В. Путин говорил об унаследованной от фронтовиков привычке побеждать как предпосылке «выстроить сильную, процветающую страну», высоко поднять российское знамя демократии и свободы²⁵. Два десятилетия спустя, в канун 75-летия Победы, президент говорил уже о необходимости защищать память о войне, «честно и непредвзято рассказывать о событиях Второй мировой»²⁶. В 2020-х гг. частью долга памяти о войне объявлялось расследование преступлений нацистского геноцида в годы Великой Отечественной войны, установление виновных в них²⁷ и окончательное искоренение нацизма²⁸.

Обращение к известной в каждой российской семье максиме о недопустимости роста популярности идей нацизма мобилизовало российское общество вокруг национальной памяти. Отсюда – готовность многих россиян противостоять попыткам пересмотра истории, отстаивать историческую правду, особенно когда речь идет о Великой Отечественной войне. Историческую правду россияне чаще понимают при этом как сформулированную, прежде всего, в национальных учебниках истории единообразную интерпретацию исторических событий. В частности, в 2020 г. самым частым (48%) было мнение, что «необходимо единообразное понимание и оценки основных исторических событий», в то время как противоположное мнение «оценки некоторых исторических событий и политических деятелей могут меняться со временем» высказали только 39% [Историческое сознание россиян..., 2022: 75].

В 2023 г. более половины респондентов (57%) были уверены, что от трактовки исторических событий зависит будущее страны, поэтому «борьба за прошлое» имеет большое политическое и международное значение. Правда, противоположное мнение, что нельзя слишком много внимания уделять прошлому, высказали тоже многие – 43%. С возрастом значимость незыблемой версии прошлого возрастает: 71% респондентов старше 66 лет были уверены в необходимости ее сохранения. Более значимым фактором «чувствительности» к трактовкам прошлого является заинтересованность россиян в отечественной истории: среди интересующихся отечественной историей доля тех, кто считает необходимой «борьбу за прошлое», была вдвое выше доли тех, кто считает, что история – удел профессионалов (64 против 36%). Идеи «борьбы за прошлое» несколько чаще находят поддержку среди консервативно настроенных россиян, которые полагают, что главное – это уважение к сложившимся традициям,

²² Жителям Великого Новгорода и Новгородской области // Kremlin.ru. 2024. 20 января. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/73285> (дата обращения: 28.06.2024).

²³ Встреча с историками и представителями традиционных религий России // Kremlin.ru. 2022. 4 ноября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69781> (дата обращения: 28.06.2024).

²⁴ Пленарное заседание Восточного экономического форума // Kremlin.ru. 2022. 7 сентября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69299> (дата обращения: 28.06.2024).

²⁵ Выступление на параде, посвященном 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне // Kremlin.ru. 2000. 9 мая. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/21421> (дата обращения: 28.06.2024).

²⁶ 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Kremlin.ru. 2020. 19 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 28.06.2024).

²⁷ Открытие мемориала мирным жителям СССР – жертвам нацистского геноцида в годы Великой Отечественной войны // Kremlin.ru. 2024. 27 января. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73334> (дата обращения: 28.06.2024).

²⁸ Жителям Великого Новгорода и Новгородской области // Kremlin.ru. 2024. 20 января. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/73285> (дата обращения: 28.06.2024).

а не инициатива и предприимчивость (63%), что Родина у человека одна, и нехорошо ее покидать (62%), и что людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества (62%). Но почти так же часто идее необходимости «борьбы за прошлое» симпатизируют целеустремленные россияне, не готовые мириться с существующей ситуацией, полагающие, что каждый человек – сам кузнец своего счастья (61%), а свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл (60%).

Другое дело, что, поддерживая идею защиты «исторической правды», россияне скорее солидаризируются с риторикой властей, но сами не готовы доказывать достоверность тех или иных интерпретаций фактов прошлого. Так, в 2022 г. менее трети (29%) считали, что защищать историческую правду должны обычные граждане. Большинство же (67%) возлагали ответственность за защиту прошлого на руководство страны и профессиональных ученых – представителей национальных сообществ историков (49%) и известных экспертов-обществоведов (38%). Иным участникам публичной политики – СМИ (31%), гражданским активистам (21%), региональным и судебным властям (20 и 19%), национальным и международным правозащитным организациям (19 и 14%), интернет-сообществам «защитников» истории (16%) и т.д. – россияне отводят роль участников «исторических поединков» еще реже²⁹.

Выводы. Присутствие образов прошлого в современной политической повестке превращает национальную историю в фактор социальной консолидации, помещая исторический нарратив в основание «историзированного» языка повседневности и системы оценки настоящего. Медийная повестка, ориентированная на национальную историю, способствует внимательному отношению к семейному прошлому, особенно под влиянием идеи наследования истории, тиражируемой политикой памяти. Участие семейной памяти в формировании образа национального прошлого делает россиян чувствительными к интерпретациям истории, особенно памяти о Великой Отечественной войне, так что «прозападные» попытки изменить трактовку событий национальной истории переживаются остро критически. Это поддерживает готовность защищать «историческую правду» в той интерпретации, в которой она представлена в современных национальных учебниках истории.

Идея «всемирной» защиты исторической правды, несмотря на кажущуюся геополитическую обусловленность, является приметой времени презентизма, когда монополию профессиональных историков на интерпретацию прошлого сменила практика трактовки истории всеми неравнодушными к ней [Ачкасов, 2013: 109]. Однако, как видно из социологических данных, россияне не разделяют идеи всеобщей борьбы за историю. «Стражами прошлого» они чаще всего видят не себя, а носителей реальной власти – политической и интеллектуальной. Зато поддержать защиту исторической памяти готовы многие граждане, расценивающие попытки преуменьшать значимость событий российской истории (включая советский и даже имперский периоды) не только оскорблением национальной памяти, но и унижением семейных традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. «Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы (гипотеза о влиянии семейной памяти на мировосприятие)» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 5. С. 49–50.
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: ЯСК, 2004.
- Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 4(20). С. 106–123.
- Ачкасов В.А. Национальная идентичность как исторический нарратив // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 19–26.

²⁹ Для 2022 г. приводятся социологические данные проекта «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности», проведенного ФНИСЦ РАН в марте 2022 г. по репрезентативной общероссийской выборке (N = 2000 человек в 22 субъектах РФ).

- Бараш Р.Э. О некоторых причинах «советской» ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 4. С. 124–151.
- Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Под ред. М.Е. Габовича. М.: НЛО, 2005. С. 83–103.
- Ефременко Д.В. Память как *casus belli* // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 6. С. 119–141.
- Историческая память – еще одно пространство, где решаются политические задачи // *Russia in Global Affairs*. 2020. Т. 18. No. 1. С. 59–80.
- Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2022.
- Касьянов Г.В. Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М.: НЛО, 2019.
- Колосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. М.: НЛО, 2011.
- Курилла И.И. «История как язык политики» // Новое прошлое. 2021. № 1. С. 104–126.
- Латов Ю.В. Парадоксы восприятия современными россиянами России времен Л.И. Брежнева, Б.Н. Ельцина и В.В. Путина // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 116–133.
- Летняков Д.Э. Историческая память российского общества: к построению агонистической модели // Мир России. Социология. Этнология. 2023. Т. 32. № 1. С. 109–129.
- Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Русский Остров, 2004.
- Малинова О.Ю. Официальная риторика и конструирование национального прошлого: анализ тематического репертуара памятных речей президентов РФ (2000–2013 гг.) // Власть и элиты / Под ред. А.В. Дуки. Т. 1. СПб.: Интер социс, 2014. С. 224–246.
- Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // *Pro et Contra*. 2011. № 3–4(52). С. 106–122.
- Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1(80). С. 111–121.
- Нора П., Озуф М. и др. Франция-память. СПб.: СПбГУ, 1999.
- Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020.
- Репина Л.П. Символы прошлого и «встреча культур» в парадигме истории памяти // Антропология и этнология: современный взгляд: сб. ст. // Под ред. А.В. Головнева, Э.-Б.М. Гучиновой. М.: Полит. энциклопедия, 2021. С. 361–373.
- Юдин Г.Б., Хлевнюк Д.О. и др. Какое прошлое нужно будущему России? Аналитический отчет по социологическому исследованию в рамках доклада Вольного исторического общества. М.: КГИ, 2017.
- Becker M. "History as Argument" as the Poor Relative in Modern Historical-Political Research: State of the Art and a Proposal for a New Approach // *History and Politics (Copernicus Graduate School Studies (CGS Studies))* / Ed. by K. Kcka, R. Schattkowsky. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2018.
- Edelman M. *Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail*. L.: Academic Press, 1977.
- Khapaeva D. «Triumphant Memory of the Perpetrators: Putin's Politics of Re-Stalinization» // *Communist and Post-Communist Studies*. 2016. Vol. 49. No. 1. P. 61–73.
- Mälksoo M. "Memory Must Be Defended": Beyond the Politics of Mnemonical Security // *Security Dialogue*. 2015. Vol. 46. No. 3. P. 221–237.
- Nora P. *Entre Mémoire et Histoire. La problématique des lieux* // *Les lieux de mémoire*. Т. 1. P., 1984. P. XV–XLII.
- Racinkas R. *Historical Justice for Europe: Why, When And How?* // *Crimes Committed by Totalitarian Regimes*. Ed. by P. Jambrek. Ljubljana: Slovenian Presidency of the Council of the European Union, 2008. P. 13–19.

Статья поступила: 24.04.24. Финальная версия: 28.08.24. Принята к публикации: 04.09.24.

HISTORICAL MEMORIES OF RUSSIANS TODAY

(history of the XX century Russia in the optics of families' stories)

GORSHKOV M.K.*, BARASH R.E.*

*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Mikhail K. GORSHKOV, Academician of RAS, Dr. Sci. (Philos.), Director of Institute (m_gorshkov@isras.ru);
 Raisa E. BARASH, Cand. Sci. (Polit.), Leading Researcher (raisabarash@gmail.com). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The research was supported by the RSF, project No. 20-18-00505 (supervisor – M.K. Gorshkov, Academician of RAS).

Abstract. Referring to the data of long-term sociological research by the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, the author studies how the historical memory in contemporary Russian society is forming under the influence of the discursive politicization of the national past. The purpose of the article is to study either the images of the recent national past that are rooted in the mass consciousness of Russians being the basis of collective identity, or the changes in attitudes towards the past under the influence of the state rhetoric “historization”. The realization of the scientific purpose involves to solve some research tasks: to study the dynamics of respondents’ interest in the state’s past when political leaders used to apply to historical memory, to analyze what people in Russia think about historical truth, about the ways and the actors of its protection. Under the contemporary political context, when the past and history become tools of political competition, many persons in Russia, for whom the Soviet heritage is the foundation of national identity and family memory, support the idea of the need to protect the socially accepted interpretation of Russian history. In 2020’t the majority of the respondents (37%) claimed the need to react harshly to the distorted interpretation of some events in Russian history when they answered the question “How should Russia react to the false interpretation of certain historical events in some Western countries?”. The historical truth is considered by the Russia’s citizens as a universal interpretation of historical events, so the majority (48%) claims it is necessary to protect historical memory by the preservation of those interpretations of the historical events, that are admitted by the society. Supporting the idea that historical truth should be protected, Russian citizens rather support harsh political statements and defensive foreign policy discourse than demonstrate real involvement into historical context, their own daily interest in protecting accepted interpretations of the past and personal concern about their correctness. In 2022 less than a third of the respondents (29%) considered the ordinary citizens should protect the historical truth, while the majority claimed the state’s leadership (67%), professional historians (49%) and social scientists (38%) should defend national historical memory.

Keywords: history, memory, historical memory, identity, revision of history, memory wars.

REFERENCES

- Achkasov V.A. (2013) «The politics of Memory» as a tool for building post-socialist nations. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 16. No. 4(20): 106–123. (In Russ.)
- Achkasov V.A. (2018) National identity as a historical narrative. *Managerial consulting* [Upravlencheskoe konsultirovanie]. No 10: 19–26. (In Russ.)
- Alekseev A. (2008) Family and Historical Memory: Points of Intersection and Gaps (Hypothesis on the Influence of Family Memory on the World’s Perception). *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanij* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research]. No. 5: 49–50. (In Russ.)
- Assmann J. (2004) *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Moscow: YaSK. (In Russ.)
- Barash R.E. (2017) Some of the Reasons for “Soviet” Nostalgia and Features of the Historical Memory of Russians about the Soviet Period. *Sotsiologicheskaja nauka i sotsialnaja praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 5. No. 4: 124–151. (In Russ.)
- Becker M. (2018) “History as Argument” as the Poor Relative in Modern Historical-Political Research: State of the Art and a Proposal for a New Approach. In: *History and Politics (Copernicus Graduate School Studies (CGS Studies))*. Ed. by K. Kcka, R. Schattkowsky. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- Edelman M. (1977) *Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail*. London: Academic Press.

- Efremenko D.V. (2022) Memory as a *casus belli*. *Rossiya v global'noy politike* [Russia in global politics]. Vol. 20. No. 6. P. 119–141. (In Russ.)
- Gudkov L. (2005) "Memory" of the war and the mass identity of Russians. In: *Memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe*. Ed. by M.E. Gabovich. Moscow: NLO: 83–103. (In Russ.)
- Hirsch M. (2021) *The Post-Memory Generation: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. New Publishing House.
- Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Experience of Sociological Measurement)*. (2022) Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Historical memory is another space where political problems are solved. (2020) *Russia in Global Affairs*. Vol. 18. No. 1: 59–80. (In Russ.)
- Kasyanov G.V. (2019) *Ukraine and its neighbors: the historical politics. 1987–2018*. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Khapaeva D. «Triumphant Memory of the Perpetrators: Putin's Politics of Re-Stalinization». *Communist and Post-Communist Studies*. 2016. Vol. 49. No. 1: 61–73.
- Koposov N. (2011) *The strict regime memory: history and politics in Russia*. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Kurilla I. (2021) History as a Language of Politics. *Novoe proshloe* [The New Past]. No. 1: 104–126. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2018) Paradoxes of modern Russians' perception of Russia during the times of L.I. Brezhnev, B.N. Yeltsin and V.V. Putin. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political studies]. No. 5: 116–133. (In Russ.)
- Letnyakov D.E. (2023) Historical memory of Russian society: towards the construction of an agonistic model. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 32. No. 1: 109–129. (In Russ.)
- Lowenthal D. (2004) *The Past Is a Foreign Country*. St. Petersburg: Russkij Ostrov. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. (2011) The theme of the past in the rhetoric of Russian presidents. *Pro et Contra*. No. 3–4 (52): 106–122. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. (2014) Official rhetoric and the construction of the national past: analysis of the thematic repertoire of memorable speeches of the presidents of the Russian Federation (2000–2013). In: *Power and Elites*. Ed. by A.V. Duka. Vol. 1. St. Petersburg: Inter Socis: 224–246. (In Russ.)
- Mälksoo M. (2015) "Memory Must Be Defended": Beyond the Politics of Mnemonical Security. *Security Dialogue*. Vol. 46. No. 3: 221–237.
- Miller A.I. (2016) The politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory. *Politiya* [Polity]. No. 1 (80): 111–112. (In Russ.)
- Nora P. (1984) Entre Mémoire et Histoire. La problématique des lieux. In: *Les lieux de mémoire*. T. 1. Paris: XV–XLII.
- Nora P., Ozuf M. et al. (1999) *France-memory*. St. Petersburg: SPbGU. (In Russ.)
- Past for the present: History-memory and narratives of national identity* (2020). Ed. by L.P. Repina. Moscow: Aquilon. (In Russ.)
- Racinkas R. (2008) Historical Justice for Europe: Why, When And How? In: *Crimes Committed by Totalitarian Regimes*. Ed. by P. Jambrej. Ljubljana: Slovenian Presidency of the Council of the European Union: 13–19.
- Repina L.P. (2021) Symbols of the past and the "meeting of cultures" in the paradigm of the history of memory. In: *Anthropology and ethnology: modern view: collection of articles*. Ed. by A.V. Golovnev, E.-B.M. Guchinova. Moscow: Polit. encyclopedia: 361–373. (In Russ.)
- Yudin G.B., Khlevnyuk D.O. et al. (2017) *What Kind of Past Does the Future of Russia Need? Analytical Report on Sociological Research in the Framework of the Report of the Free Historical Society*. Moscow: KGI. (In Russ.)

Received: 24.04.24. Final version: 28.08.24. Accepted: 04.09.24.